

УДК 81'42

ББК Ш100.621+Ш105.51

ГСНТИ 02.41.11; 16.21.33

Код ВАК 23.00.01; 09.00.11

И. В. Соловей I. V. Solovey
Ижевск, Россия Izhevsk, Russia**ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
В ПОЛЕ РИТОРИКИ ВЛАСТИ****DISCOURSE STRATEGIES
IN THE RHETORIC FIELD OF POWER**

Аннотация. Исследуются риторические стратегии власти, в каждой из которых действие власти рассматривается в аспекте языкового высказывания, через соотношение «слова» и «действия». В структурах языка стратегии власти представляются дискурсами обещания и решения, открывающими пространство перформативного и констатирующего высказывания, задающих перспективное и ретроспективное видение социальных проблем. Устанавливается дискурсивный предел стратегий власти, который соотносится с обещанием «худшего», не оправдывающим естественное стремление общества к благополучию, социальной стабильности и безопасности. Обещание «худшего» оказывается формальным поводом для появления социального недовольства. В условиях отсутствия обещаний решения власти приобретают характер технической деятельности, которая приводит к возникновению непреднамеренных последствий, нарушающих социальную стабильность и безопасность. Выявляется значение политических утопий в дискурсивных стратегиях власти.

Abstract. The article deals with rhetoric strategies of power, where actions of power are considered in terms of language utterance, and correlation between “words” and “actions”. In language structures strategies of power are represented by discourse of promise and solution that open the space of performative and constitutive utterances, giving prospective and retrospective visions of social problems. The limits of strategies of power correlate with the promises of “worse” that make allowances to natural striving of the society for well-being, social stability and security. The promise of “worse” turns out a formal excuse for social disaffection to appear. In the conditions of lack of promises decisions of power assume technical character, which causes unintended consequences destroying social stability and security. The significance of political utopia in discourse strategies of power is elicited.

Ключевые слова: дискурсивное действие; обещание; решение; перформативное высказывание; риторика; политические утопии.

Key words: discourse action; promise; decision; performative utterance; rhetoric; political utopia.

Сведения об авторе: Соловей Ирина Викторовна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии коммуникаций, Институт социальных коммуникаций.

About the author: Solovey Irina Victorovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology of Communications, Institute of Social Communications.

Место работы: Удмуртский государственный университет (г. Ижевск).

Place of employment: Udmurt State University (Izhevsk, Russia).

Контактная информация: 426076, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4.
e-mail: soloveyIV1@mail.ru.

Движение социальной философии в область языка и языкового конструирования инициирует возникновение «лингвистического поворота», в результате которого язык оказывается точкой пересечения философии и политики. В современной социальной философии обращение к языковым основам открывает возможность рассматривать политическую деятельность как автономную сферу политического «праксиса» [Касториядис 2003]. В сфере «праксиса» «слово» (λεξις) и «действие» (πρᾶξις) оказываются равнозначными основаниями политической деятельности, направленной на преобразование и реорганизацию общества. Политическая деятельность содержит в себе проект как некое знание, задающее перспективное направление политической деятельности. Смысл политического проекта определяется

в дискурсивных стратегиях обещания и решения, посредством которых власть актуализирует и конкретизирует цели и задачи проекта. «Проект — это элемент praxis'a (как и любого действия вообще). Это praxis нашедший свое определение, рассмотренный с учетом его связей с реальностью, в конкретизирующем уточнении задач, в спецификации своих определяющих элементов. Это ясно выраженное намерение трансформации реальности, определяемое представлением о смысле этой трансформации, принимающее во внимание реальные условия, при которых последняя возможна. Это praxis, ставший источником вдохновения для деятельности» [Там же: 90].

Дискурс обещания традиционно рассматривают как дискурсивную стратегию власти, характерную для предвыборного политиче-

ского дискурса [Стексова 2011]. Само выражение «я обещаю, что...» является *перформативным высказыванием*. К сущности перформативного высказывания, происходящего от обычного глагола «perform» в значении «исполнять, выполнять, делать, осуществлять» и существительного «action» — «действие», относится то, что «действие» здесь производится речевым актом [Остин 1986: 27]. В дискурсе обещания со-общаемость «слова» и «действия» устанавливается на уровне речевого акта, посредством которого власть принимает на себя обязательства совершить определенный акт «действия». В этом смысле акт обещания подразумевает, что «S намерен с помощью высказывания T связать себя обязательством совершить A» [Серль 1986]. Обязательство связывает «слово» и «действие» таким образом, что в условиях перформативности превращает обещание в осознанное намерение, демонстрирующее готовность. Обязательство накладывает *ответственность* на власть, которая отвечает не только за собственные «слова», но и за «действия», которые еще не совершены, но о которых уже объявлено актом высказывания. В этом смысле дискурс обещания является «чисто» декларативным актом, базирующимся на силе убеждения, способности говорящего завоевать общественное доверие.

Общественное доверие является кредитной операцией, в основе которой находится вера социальных индивидов, ожидающих исполнения обещанного. Установление доверительных отношений возможно только тогда, когда обещание оказывается предложением, которое соответствует определенным желаниям/потребностям общества. Дискурс обещания как бы возвращает желание обществу в форме перформативного предложения как «отсроченного» «действия». «Для обеспечения корректности обещания обещаемое должно быть чем-то, чего слушающий хочет, в чем он заинтересован или что считает предпочтительным и т. п.; а говорящий должен сознавать, полагать или знать и т. п., что это так» [Там же: 164].

Политическое обещание является оправданным тогда, когда оно оказывается актом предсказания «будущего», т. е. представляет собой проект, ориентированный на перспективное направление политической деятельности. В силу своей изначальной неопределенности «будущее» открывает неограниченные возможности (то, что может быть) для дискурса обещания. В акте предсказания «будущего» обещание переносит «из-быточную» полноту намерения «действовать» из «настоящего»

в «будущее». «При обещании должен предсказываться некоторый акт говорящему, и этот акт не может относиться к прошлому. Я не могу обещать, что уже нечто сделал, равно, как и не могу обещать, что кто-то другой нечто сделает» [Там же: 162]. Обращенный к «будущему» дискурс обещания задает траекторию движения общества, очерчивающего пространство политического «действия» в перспективе «настоящее — будущее». Предлагая обществу «то, что может быть», дискурс обещания становится политическим «словом», открывающим прогрессивное движение общества. Неопределенный характер «будущего» позволяет выстраивать в первую очередь «долгосрочные» перспективы общественного развития.

Предвыборные программы партий содержат общие представления о «будущих» перспективах общественного развития: *модернизация экономики, системы образования, модернизация здравоохранения, укрепление судебной системы, развитие современной политической системы, разумная внешняя политика* [Единая Россия], *возрождение Вооруженных Сил и военно-промышленного комплекса России, национализация ключевых отраслей промышленности (металлургия, авиастроение, машиностроение, электроэнергетика), возрождение российской деревни, наращивание интеллектуального потенциала нации, укрепление семейных ценностей, демократизация политической системы и повышение её эффективности, преодоление бедности и социальной деградации* [КПРФ], *изменить государственное устройство страны, провести свободные и честные выборы, провести полномасштабную индустриализацию, ударить по коррупции, обеспечить граждан работой, справедливо распределить доходы, поддержать региональную экономику, снизить процентные ставки, изменить кадровую политику, сделать более комфортной жизнь, обеспечить граждан яслями и детсадами, защитить отечественного покупателя, позаботиться об экологии, покончить с безработицей, повысить рождаемость, сохранить бесплатную медицинскую помощь, навести порядок в здравоохранении, развивать массовый спорт, остановить рост преступности, укрепить армию и органы безопасности* [ЛДПР]. Возникает своеобразная закономерность: чем более значительны политические обещания — *превратить Россию в ведущую мировую державу* [Единая Россия], *возродит Россию, сделает её подлинно единой, укрепит позиции страны на международной арене* [КПРФ], *сплотить народ на базе общерусской солидар-*

ности [ЛДПР], — тем более желательным и необходимым обещанное представляется обществу и тем большее пространство для альтернативных возможностей «действия» раскрывает дискурс обещания.

В этом случае обещание как бы отвечает естественному желанию общества двигаться в направлении к более совершенному состоянию, означающему улучшение условий социальной жизни. В перформативе глаголы служат особой цели эксплицирования сущности того «действия», которое осуществляется произведенным высказыванием. Высказывание «мы обещаем, что...» подразумевает под собой «мы сделаем...» — *модернизируем, изменим, возродим, разовьем, повысим, защитим, укрепим, сохраним, сплотим*. Перформатив задает «действие» в режиме «отсроченного времени», т. е. устанавливает временную дистанцию между «настоящим» и «будущим». Существование временной дистанции открывает пространство высказывания, в котором «действие», представленное «словом», начинает дискурсивовать во временной перспективе от «настоящего» к «будущему». Политические обещания структурируют неопределенное «будущее»: *за 2 года фонд заработной платы в здравоохранении вырастет на 30 процентов [Единая Россия]; в течение 2 лет перенацелить законодательство России на удовлетворение потребностей граждан, в течение 3 лет мы увеличим финансирование отечественной науки не менее чем вдвое [КПРФ]; следует в 10 раз снизить ставки арендной платы по всей стране и освободить от всех налогов на ближайшие 2 года, что будет способствовать быстрому развитию малого и среднего бизнеса [ЛДПР]; за 5 лет мы должны построить в России не менее 1 тысячи новых школ, и за эти же 5 лет у нас не должно остаться ни одной школы в аварийном состоянии, в ближайшие 5 лет мы обеспечим практически полную независимость страны по всем основным видам продовольствия, в ближайшие 5-10 лет мы также должны практически полностью перевооружить нашу армию и флот, модернизировать оборонно-промышленный комплекс, задача на ближайшие 20 лет — кардинально обновить или создать не менее 25 млн. современных рабочих мест в промышленности и в бюджетном секторе [Единая Россия]*.

В дискурсе обещания «слово» выступает инициатором начала «действия». Перформативная автономность языка предъясняется в его способности производить бытие в акте высказывания, тем самым демонстрируя, что политическое бытие является «эф-

фектом речи»: «Бытие есть факт высказывания: это означает просто-напросто, что не существует никакой додискурсивной реальности. Всякая реальность основывается на дискурсе и определяется в нем» [Кассен 2000: 153]. Здесь «слово» не отсылает к действительности, а указывает на состояние языка. Высказывание, упраздняющее действительность, является «чисто» риторической конструкцией, произведенной «словами» языка. В риторическом пространстве сущность политической деятельности заключается в искусстве красноречия как собственно политическом искусстве.

Риторика устанавливает надъязыковые правила, ограничивающие свободу высказывания пределами техники (*tekhnē*) построения политической речи. Политическая речь, начиная с греческой философии, относится к *эпидейктическому* (*epideixis*) стилю дискурса, который противопоставляется как диалогической традиции, характерной для сократической диалектики, так и аподиктическому (*apodeixis*), или аналитическому стилю дискурса, базирующемуся на системе доказательств. Эпидейктическим (*epideixis*) стилем со времен Аристотеля обозначается один из родов красноречия, который существует наряду с совещательным и судебным. Если совещательная (*sumbouleutikon*) речь обращается к собранию с тем, чтобы порекомендовать или отсоветовать нечто, а судебная (*dikanikon*) речь адресована членам суда ради защиты или обвинения, то эпидейктическая (*epideixis*) речь обращена исключительно к публике (*theoros*), следовательно, результатом такой речи будет не решение члена собрания или приговор судьи, но просто суждение зрителя о *dunamis* — силе и возможностях «говорящего». В эпидейктическом стиле красноречия «*deixis*» означает искусство показывать без «слов», а слово «*epideixis*» означает искусство «показывать» (*deiknumi*) «перед» (*epi*) публикой как искусство выставления напоказ «еще» чего-либо. Это говорит о том, что «*epideixis*» раскрывает возможность «еще», «сверх» (таково одно из значений *epi*) показать/продемонстрировать мастерство или искусство «говорящего» обращаться со «словами» языка. «Дело здесь, прежде всего, в том, что выступающий с показательной речью использует предмет своего показа, как пример или парадигму, с помощью самого предмета он показывает „еще“ (*epi*) нечто о предмете; важнее, однако, то обстоятельство, что эпидейктический оратор, помимо прочего, должен показать, как именно он умеет обращаться с избранным предметом, показать „сверх того“, „вдобавок“ себя самого и свой

талант» [Там же: 80]. Риторические приемы доводят политическую речь до статуса искусства. Эпидейктическая речь, демонстрирующая искусство красноречия, оказывается вариантом искусства политики. Здесь политика максимально сближается со сферой «пойзиса». Искусство политики заключается в способности убеждать, которая зависит не столько от степени аргументированности, сколько от искусства красноречия. Чем виртуознее говорящий владеет искусством красноречия, тем быстрее он способен убедить слушающих и тем сильнее он попадает в зависимость от правил риторики. Выразительность политической речи определяется не смыслом того, что говорится/высказывается, а особым рода риторическими приемами. Риторические приемы, связанные с усилением изобразительности политической речи, основываются на фигурах речи — фигурах прибавления, базирующихся на речевых повторах, фигурах убавления и фигурах размещения.

Общее структурное свойство фигур прибавления состоит в повторении в речевой деятельности единиц плана выражения. Общее изобразительное свойство фигур прибавления заключается в том, что они демонстрируют неизменность и постоянство чувства, которое овладевает говорящим [Хазагеров 2002]. Самой распространенной фигурой прибавления становится лексический повтор полнозначных «слов»: *и учет, учет всего нашего богатства...* [Жириновский], а также двукратный повтор того или иного «слова» (геминация): *а когда все рухнуло, то сегодня мы имеем то, что имеем...* [Жириновский]; *очень важно, очень важно, чтобы как бы нам трудно не было, мы были абсолютно едины в выполнении своих обязательств...; это свидетельствует о крахе либерализма, о крахе того курса и той политики, которую проводили в нашей стране под диктовку американских специалистов и местных нуворишей...; воссоединение всех наших соотечественников со своей матерью-Родиной, развитие русского ядра, русской культуры, русского духа для нас является исключительно важным...* [Зюганов].

При построении фигур прибавления используется упорядоченный повтор «слов» в начале смежных отрезков речи (анафора): *нормальная власть никогда бы этого не сделала. Нормальная власть давно бы села за стол переговоров...* [Зюганов]; *ведь мало того, что деньги впустую уйдут, мы еще подготовим будущих предателей, подготовим тех, кто против нас повернет оружие...* [Жириновский], в конце смежных от-

резков (эпифора): *вот вам национальные меньшинства — предадут нас во время войны, до войны, после войны...; вот он — первый президент независимой Украины — ни Украины нет, ни независимости нет, порядка нет, экономики нет, есть только добрая русская душа...* [Жириновский], на границе смежных отрезков (анадиплозис): *не надо строить оборонные заводы на тех территориях, а всё делать в центре России. Не надо строить оборонные заводы на тех территориях, которые могут оказаться враждебными нам...; и потом хотите, чтобы кто-то уважал нашу страну, когда трамбуете русский народ уже 100 лет, ровно 100 лет будет в 2017 году* [Жириновский]. В анафоре актуализируется общая посылка рассуждений, эпифора актуализирует следствие, а стык, или анадиплозис, демонстрирует последовательность рассуждений. Когда повторяются два элемента, которые при повторе располагаются в обратном порядке, то образуется такая фигура речи, как *хиазм* (заблуждение говорит, что *кто-то сидит на нефтегазовой игле. Полное заблуждение* [Жириновский]). Упорядоченный повтор инициирует возникновение *цепного повтора*, который демонстрирует причинно-следственную обусловленность, создающую эффект смыслового нарастания: *Мы будем голосовать „За“, прежде всего потому, что идет процесс воссоединения с исторической родиной Крыма и Севастополя... Мы будем голосовать „За“, ибо для каждого из нас Россия является главным. Без сильной, умной, хорошо развитой России на европейском пространстве в ближайшее время не будет ни мира, ни покоя... Мы будем голосовать „За“ и потому, что русские оказались самым крупным в мире разделенным народом... Мы будем голосовать „За“, поскольку так восстанавливается историческая справедливость* [Зюганов]. Фигуры упорядоченного повтора не только способны передавать ритм чувств говорящего, но и своим синтаксическим расположением описывают траекторию какого-либо «действия».

В политической речи повторяться могут также отдельные части «слова». К повторам относится повтор морфем (*гомеология*) — приставок (*потому что недосмотрели, недодумали, в том числе и Государственная Дума* [Жириновский]), корней, суффиксов и окончаний (*гомеотелевтон: все сделать, чтобы наши связи укреплялись и наращивались; процветают только коррупционеры: чем громогласнее власть с ними борется, тем обильнее они множатся* [Зюганов]). В данном случае приставки и суффик-

сы выражают определенное грамматическое значение, и их повтор должен усиливать это значение.

Можно говорить о том, что риторический повтор не добавляет к сказанному ничего нового, но лишь «удваивает» высказывание. Повторяющиеся лексические элементы расширяют пространство высказывания таким образом, что порядок выражения и порядок смысла начинают различаться между собой. Присутствие в политической речи двух порядков приводит к исчезновению семантической функции языка — выражения смысла. В результате те «слова», которые прежде употреблялись в дескриптивном, логическом и семантическом плане, теперь должны демонстрировать чувства и эмоции говорящего, который стремится вызвать непосредственный эффект у слушателей как бы минуя их сознания, т. е. на уровне бессознательного.

Фигуры убавления противоположны фигурам прибавления. Общее структурное свойство фигур убавления состоит в том, что в них какие-то единицы плана содержания остаются без соответствующего плана выражения. Политическая речь должна обращать на себя внимание пропуском каких-либо языковых элементов. Фигуры убавления создают впечатление поспешности, быстроты, готовности, энергичности: «Эти фигуры, предназначенные для демонстрации решительных действий, они создают ощущение, что говорящий вот-вот перейдет от слов к делу» [Хаззагеров 2002: 108]. Здесь практикуется пропуск членов предложения — чаще всего сказуемого (эллипсис). Пропущенный компонент эллипсиса восстанавливается не из контекста, а из самой языковой конструкции, превращающей высказывание в лозунг: *У нас нет времени на раскачку... надо принимать очень ответственные решения... Они обязательно будут. Но надо, чтобы это наступило как можно раньше* [Зюганов], внезапный обрыв высказывания (апосиопезис): *поэтому, если будет наведен порядок здесь... Это, конечно, усиление роли государства* [Жириновский]; *Я это видел в Праге, видел в Белграде, видел, как душили Югославию, видел это в Киеве, в Грузии, все один к одному* [Зюганов], пропуск первой половины высказывания (просиопезис): *Или еще. Вроде бы известны все приоритеты* [Зюганов]. В пространстве риторики фигуры убавления оставляют за пределами высказывания нечто не-высказанное. Смысл политической речи располагается между сказанным и невысказанным, т. е. начинает «разбегаться» в двух противоположных направлениях, тем самым превращает политическую речь в двусмысленное высказывание.

Структурной особенностью фигур размещения является то, что элементы плана выражения размещаются в них с нарушением порядка следования — появляется перестановка «слов» (инверсия), нарушение обычного порядка высказывания (гиперба-тон): *половину продовольствия завозим чужого, лекарства и всё остальное* [Зюганов], употребление вставок, разрывающих высказывание (парцелляция): *Говорили, что 90 миллионов тонн зерна соберут — ничего они не соберут. Если 75 миллионов соберут, будет хорошо* [Зюганов], пропуск членов предложения (эллипсис): *пенсионная реформа — от нее бедные становятся беднее, а богачи еще богаче; вслед за Сирией заполыхает Ливан. Дальше Иран. А следующими будем мы* [Зюганов], повтор (полисиндетон), пропуск союзов (асидентон): *предатели, воры, коррупция, всегда это будет; всё искажено, извращено* [Жириновский]; *сегодня считаются в мире с сильными, умными, успешными* [Зюганов].

Риторика позволяет практиковать различного рода вариации с языком на уровне «букв» как предельной единицы «слова» в виде повторов согласных (аллитерация) и гласных (ассонанс) внутри высказывания, произведения звукоподражательных «слов» (ономатопеи), создания каламбуров, сочетающих «слова» на основании общности звучания: *20 лет катались в Парагвай, Уругвай...* [Жириновский]; *неужели модернизация и новые технологии и дальше будут доверены „выдающемуся дефолтнику“ Кириенко и „главному приватизатору“ и разрушителю единой энергосистемы страны Чубайсу?; ведь он исчисляется с учетом высоких зарплат „белых воротничков“ из числа сырьевиков и финансистов, услуги дерипасок, абрамовичей, вексельбергов и чубайсов* [Зюганов], использования «слова» в несвойственной ему грамматической форме (аллеотет): *правительство, способное поддержать те ростки нового курса, которые сегодня проросли во внешней политике, и которые поддерживаются абсолютным большинством граждан страны; господин Ливанов и его команда вытравливают понятия науки и инноваций из повседневной жизни ученых и специалистов* [Зюганов]. Обращение с языком на уровне мельчайших элементов — «букв», «слов», «фраз» — в пределе приводит к исчезновению смысла политической речи. Исчезновение смысла речи древние греки рассматривали как предел политической риторики, который они называли *асхематон*, что переводится как «бесфигурье».

Стремление построить технически правильную речь в пределе оборачивается по-

явлением «пустой речи», из которой исчезает смысл. Чем более перспективное движение, ориентированное на «будущее», задает дискурс обещания, тем больше риторических приемов используется и тем меньше остается возможностей обществу понять смысл обещания власти. В «пустой речи» «слова» языка ничего не объясняют, что противоречит смыслу «говорения» как субъективной деятельности. Дискурс обещания модифицируется и превращается в «жанр политического лозунга и саморепрезентации» [Стексова 2011: 66].

Дистанция между «настоящим» и «будущим» увеличивается настолько, что это приводит к «разрыву» со-общаемости «слова» и «действия». Дискурс обещания оказывается речевым актом, лишенным потенциала «действия». В состоянии «бездейственного слова» дискурс обещания превращается в демагогию, открывающую пространство риторических вопросов: *почему скачут тарифы на услуги ЖКХ, а цены растут гораздо быстрее, чем зарплаты, пенсии и стипендии? Кто будет нести ответственность за десять миллионов безработных? Как происходит, что вся страна против ЕГЭ, но его всё равно навязывают выпускникам? Почему, несмотря на благоприятную цену на нефть, жизнь большинства россиян становится все тяжелее? Куда подевались приоритетные национальные проекты? Почему вместо помощи в решении жилищной проблемы гражданам предлагают брать ипотеку и обогащать банки? В чем причины того, что невиновных сажают в тюрьму, а преступники откупаются и гуляют на воле? Зачем тратить миллионы на перелицовку милиции в полицию, если взяточники продолжают чувствовать себя вольготно? Почему самолеты, вертолеты и ракеты падают всё чаще? Зачем правительство одной рукой отправляет нефтегазовые доходы за границу, а другой манит зарубежных инвесторов? Почему село брошено на произвол судьбы, а народ кормят импортными отбросами? [КПРФ]; Почему СССР развалился? Почему с экологией не очень хорошо у нас обстоит? Мы же всем давали свободу, всем помогали, и где благодарность? [ЛДПР].* Если обратиться к этимологии слова «демагог», то в переводе с греческого языка «δημαγωγός» буквально означает «предводитель народа». Современная трактовка происходит из греческого понимания: здесь «демагогом» называют «политикана», старающегося создать себе популярность среди народа недостойными средствами — «пустыми» обещаниями, высокопарными рассуждениями и риторическими вопросами, прикрывающими частный ин-

терес власти. Сущность риторических вопросов заключается в том, что они не предполагают ответа и не требуют его, поскольку по своей форме являются «чистым» утверждением. Ответ становится из-быточным, но он снимает *ответственность* с того, кто задается риторическими вопросами. Демагогия возникает тогда, когда власть не имеет намерения выполнять обещание. Демагог «говорит» так, чтобы «ничего не сказать». Отсутствие намерения совершить то или иное «действие» вносит противоречие в дискурс обещания, поскольку в высказывании «я обещаю сделать X, но не намерен это сделать» обещание утрачивает перформативную силу «действия», что лишает акт речи вообще какого-либо смысла [Серль 1986].

Отсутствие намерения совершать «действия» указывает на то, что власть «закрывается» на самой себе, т. е. начинает существовать «сама ради себя». Представители власти начинают жить не столько «для политики», сколько «за счет политики», т. е. используют свое положение в частных, чаще всего экономических интересах, которые выдаются за интересы государственные. Поскольку принадлежность к власти является гарантированным источником дохода, постольку сохранение власти становится самоцелью.

Формируется предельная форма политического обещания, а именно обещание «худшего», которое не предполагает вообще совершение какого-либо «действия». Обещание «худшего» представляет собой высказывание, которое становится неким «самоосуществляющимся пророчеством» (self-fulfilling). Акт высказывания предсказывает *социальное неравенство, демографическую катастрофу, развал экономики, посаженной на сырьевую иглу, утрату обороноспособности и потерю ключевых союзников, духовно-нравственную деградацию, безудержный рост государственного долга [КПРФ], рост бедности [ЛДПР]*. Обещание «худшего» представляет дальнейшую невозможность (то, чего не может быть) прогрессивного движения: *Сегодня три опасности вплотную подступили к нашей стране. Это социальное неравенство, обострение национальных проблем и слом международного баланса сил, сложившегося после второй мировой войны [КПРФ]*. Здесь любой непосредственный акт «действия», направленный на предотвращение пророчества, приведет к осуществлению предсказанного, что и составляет суть «эдипова эффекта». В то же время сам факт обещания «худшего» не оправдывает естественное стремление общества к благополучию, социальной стабильности и безопасности, а значит, не отвечает потребностям общества:

«Обещание некорректно (defective), если обещают сделать то, чего не хочет адресат обещания; оно тем более некорректно, если обещающий не убежден, что адресат обещания хочет того, чтобы это было сделано, поскольку корректное обещание должно быть задумано как обещание, а не угроза или предупреждение» [Серль 1986: 163].

Обещание «худшего» становится формальным поводом для появления социального недовольства. Вера общества в силу политической власти сменяется уверенностью в неспособности власти выполнить обещание. Социальное недовольство инициирует переход власти от демагогического потока «слов» к «действию», открывающему «обратную перспективу» из «будущего в настоящее». Возвращение к реальности «настоящего» реализуется в дискурсе решения как констативном высказывании, утверждающем и/или подтверждающем акт «действия». Дискурс решения способствует сокращению временной дистанции между «настоящим» и «будущим». Возвращение из «будущего в настоящее» становится регрессивным (от лат. *regressus* — движение назад) движением, ограничивающим деятельность власти пределами «настоящего». Сокращение временного интервала между «настоящим» и «будущим» позволяет власти выстраивать «краткосрочные» перспективы общественного развития, которые увеличивают общаемость между «словом» и «действием».

Обещание власти ориентировано на удовлетворение непосредственных потребностей/желаний общества, которые существуют «здесь и теперь». В связи с тем, что такие потребности являются одномоментными, то и обещания власти представляются совершенно незначительными и касаются исключительно социальных проблем: *снизить ипотечные ставки, удвоить объем жилищного строительства, передать федеральные земли под кооперативную жилищную стройку для бюджетников, повысить денежное довольствие военнослужащих Вооруженных Сил и внутренних войск, а также сотрудников органов внутренних дел, увеличить пенсии в среднем в 1,5 раза всех военных пенсионеров вне зависимости от ведомственной принадлежности* [Единая Россия], *изменить закон о банках и банковской деятельности, по которому предлагается полностью возвращать вкладчикам их вклады, увеличить количество бюджетных мест для студентов, законодательно ограничить родительские выплаты в детских садах* [КПРФ], *предоставить права на материнский (семейный) капитал семьям, в которых родился (усыновлен) первый ребен-*

нок, установить административную ответственность за непредоставление места в детском дошкольном учреждении, предоставить ежегодный отпуск женщине, имеющей ребенка (детей) в возрасте до 14 лет, в удобное для нее время, усилить ответственность за изготовление и оборот порнографической продукции, отменить внутрироссийский роуминг [ЛДПР]. Чем сильнее сокращается временная дистанция между «настоящим» и «будущим», тем менее значительными становятся политические обещания и тем меньшее пространство раскрывается для принятия политических решений.

Констативное высказывание подтверждает акт «действия», которое направлено на оперативное решение таких текущих проблем, как *водоснабжение урочища Красуха, ремонт памятников к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, поддержка ветеранов Великой Отечественной войны, приобретение школьной и спортивной одежды учащимся общеобразовательных учреждений из многодетных семей, единовременная социальная поддержка малоимущих семей* [Единая Россия], *продление срока приватизации жилых помещений государственного и муниципального жилищного фонда, освобождение налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения, от обязанности ведения бухгалтерского учета, определение фиксированного размера страхового взноса по обязательному пенсионному страхованию для индивидуальных предпринимателей, не производящих выплат и иных вознаграждений физическим лицам, установление административной ответственности за нарушение правил продажи табачных изделий, курение в неустановленных местах, рекламу и спонсорство табака* [ЛДПР]. Такие решения представляют собой систему «безотлагательных действий» [Жижек 2010: 9]. Возникает парадоксальная ситуация: чем более безотлагательным становится «действие» власти, тем менее обоснованными и обдуманными оказываются ее решения и тем больше непреднамеренных последствий такие «действия» производят. Власть формально не обязана нести ответственность за непредусмотренные и непреднамеренные последствия собственных решений. Однако безответственность власти становится источником нарушения социальной стабильности и безопасности, что приводит к появлению непредсказуемых ситуаций. Исчезновение социальной стабильности обозначает предел регрессивного движения. Утрата четкого представления о целях указывает на истощенность политического проекта власти.

В сфере политического «праксиса» переход от одного политического проекта к другому представляет собой своего рода «символическую революцию», происходящую в поле политической науки. Здесь «чисто» техническая деятельность возвращается к самой себе как «τέχνη», открывающая пространство субъективной деятельности мышления. Обращаясь к греческому слову «τέχνη», М. Хайдеггер выделяет два его значения. С одной стороны, «τέχνη» понимается как искусность, мастерство и может относиться не только к ремеслу, но и к художественным искусствам, высшим проявлением которых является словесное искусство как искусство «слова»: «Такая τέχνη относится к про-из-ведению, к ποιησις; она есть нечто „поэтическое“» [Хайдеггер 1993: 225]. С другой стороны, слово «τέχνη» в греческом языке находится в близком отношении к слову «ἐπιστήμη», которое понимается как знание. В этом случае техника как про-из-ведение может представляться в качестве произведенного знания, открывающего поле бытия «идей» как пространство мыслительного конструирования.

Сущность мышления заключается в том, что в концептуальном пространстве оно представляет само себя через «идею», лежащую в «исток» концептуального произведения политического бытия. В «идеях» получают выражение цели политической деятельности. В концептуальном пространстве бытия «идей» общество представляется как совершенное бытие, или совершенное полное, завершенное в смысле совершенства. Поле бытия «идей» содержит в себе множество различных представлений о «благой жизни», «справедливом обществе», каждое из которых является по своей сути *политической у-топией*. В этом смысле политические у-топии являются мыслительными конструкциями, происходящими из деятельности мышления как «чистого» вы-мысла. Каждое общество формирует собственные социальные идеалы — политические у-топии, которые являются продуктом деятельности мышления. Лишенные связи с практикой, политические у-топии позволяют осознать несовершенство социальной действительности, т. е. представить то, чего не «не хватает» социальному бытию конкретного общества. Политическая у-топия открывает перспективное представление из «настоящего в будущее». Выбор политической перспективы становится осознанным решением, которое возникает на пределе «из-быточной» полноты социальных идеалов как теоретических конструкций. Дискурс обещания, очерчивающий пространство политического

«действия», оказывается представлением, базирующимся на осмысленном выборе «будущего».

Таким образом, дискурсивные стратегии власти базируются на политическом проекте, степень реализации которого предъясняется дискурсами обещания и решения. Если дискурс обещания является актом речи, открывающим перспективное направление политической деятельности из «настоящего в будущее», то дискурс решения открывает «обратную перспективу» из «будущего в настоящее». Дискурс обещания, постоянно увеличивающий «разрыв» между «словом» и «действием», на пределе переходит в демагогию, сущность которой заключается в преднамеренно «пустых» обещаниях. Формой такого «пустого» обещания оказывается обещание «худшего», обесмысливающее сам акт политического «действия». Дискурс решения, ориентированный на сокращение «разрыва» между «словом» и «действием», в пределе разворачивается в систему «безотлагательных действий», которые власть обосновывает ретроспективно. Демагогия и «безотлагательное действие» демонстрируют предел политического проекта существующей власти.

ИСТОЧНИКИ

1. *Единая Россия*. URL: <http://er.ru/news/116189/>.
2. *Фракция «Единая Россия» в Государственной Думе РФ*. URL: <http://er-duma.ru/pubs/63302>.
3. *КПРФ*. URL: <http://kprf.ru/>.
4. *ЛДПР*. URL: <http://ldpr.ru/>.

ЛИТЕРАТУРА

5. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни.* — СПб.: Алетейя, 2000.
6. *Делёз Ж. Логика смысла.* — М.: Академия, 1995.
7. *Жижек С. О насилии.* — М.: Европа, 2010.
8. *Кассен Б. Эффект софистики.* — М.: Университетская книга; СПб.: Культурная инициатива, 2000.
9. *Касториадис К. Воображаемое установление общества.* — М.: Гнозис: Логос, 2003.
10. *Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике.* — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17: Теория речевых актов.
11. *Рансьер Ж. На краю политического.* — М.: Параксис, 2006.
12. *Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике.* — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17: Теория речевых актов.
13. *Стексова Т. И. Речевой жанр обещания в политическом дискурсе // Политическая лингвистика.* 2011. № 4.
14. *Хаззагеров Г. Г. Политическая риторика.* — М.: Никколо-Медиа, 2002.
15. *Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие / М. Хайдеггер.* — М.: Республика, 1993.

Статью рекомендует к публикации д-р филос. наук, проф. О. Н. Бушмакина.